

Легенды и сказки Крыма

Легенды Крыма: Гюляш-Ханым (г. Старый Крым)

Туды-Мангу-хан был похож на быка с вывороченным брюхом, к тому же был он хром и кривил на один глаз. И все дети вышли в отца, одна Гюляш-Ханым росла красавицей. Но Туды-Мангу-хан говорил, что она одна похожа на него. Самые умные люди часто заблуждаются. В Солгатском дворце хана жило триста жен, но мать Гюляш-Ханым занимала целую половину, потому что Туды-Мангу-хан любил и боялся ее. Когда она была зла — запиралась у себя, тогда боялся ее хан и ждал когда позовет. Знал, каков бывает нрав у женщины, когда войдешь к ней не вовремя. А в народе говорили, будто ханша запирается неспроста. Обернувшись птицей, улетает из Солгатского дворца в Арпатский лес, где кочует цыганский табор Ибрагима. Попытался было сказать об этом хану главный евнух, но побелело от гнева ханское око, и длинный чубук раскололся о макушку старика.

Помнил хорошо хан, что вместе с Гюляш-Ханым пришла к нему удача — так наворожила ее мать. И любил хан цыганку-жену, потому что первым красавцем называла его когда хотела угодить. Улыбался тогда Туды-Мангу-хан, и лицо его казалось чебуреком, который сочнел в курдючном сале. И всегда, когда хан шел на Ор, он брал с собой Гюляш-Ханым на счастье, чтобы досталось побольше дичи и была она поценнее. Один раз добыл столько, что понадобилось сто арб. Была удача большая, потому что Гюляш-Ханым не оставляла хана, даже когда он скакал на коне. Но арбы шли медленно, а хану хотелось поскорее домой. Позвал он Черкес-бей и поручил ему казну и Гюляш-Ханым, а сам ускакал с отрядом в Солгат. Весел был хан, довольны были жены Скоро привезут дары. Только не всегда случается так, как думаешь.

Красив был Черкес-бей, строен, как тополь, смел, как барс, в глазах купалась сама сладость. А для Гюляш-Ханым настало время слышать, как бьется сердце, когда близко красавец. Взглянула Гюляш-Ханым на Черкес-бей и решила остаться с ним — обратилась в червонец. Покатился червонец к ногам бей, поднял он его, но не положил к себе — был честен Черкес-бей,— а запер червонец в ханскую казну. Честным поступком не всем угодишь.

А ночью напал на Черкес-бей балаклавский князь, отнял арбы, захватил казну. Еле успел спастись Черкес-бей с немногими всадниками. И повезли Гюляш-Ханым с червонцами в Балаклаву.

В верхней башне замка жил греческий князь. К нему и принесли казну. Открыл князь казну и начал хохотать. Вместо червонцев — в казне звенел рой золотых пчел.
— Нашел, что возить в казне глупый Туды-Мангу-хан!

Вылетел рой, поднялся к верхнему окну; но одна пчела закружилась около князя и ужалила его прямо в губы. Поцелуй красавицы не всегда проходит даром. Отмахнулся князь и задел крыло пчелы. Упала пчела на пол, а кругом ее посыпались червонцами все остальные. Поднял от удивления высокую бровь балаклавский князь и ахнул: вместо пчелы у ног его сидела, улыбаясь, ханская дочь; загляделась на него.

Был красив Черкес-бей, а этот еще лучше. Светилось на лице его благородство, и в глазах горела страсть. Околдовало его волшебство женской красоты, и оттолкнул юноша ногой груды золота. Когда молод человек, глаза лучше смотрят, чем думает голова. Схватил ханшу на руки и унес к себе.

Три дня напрасно стучали к нему старейшины, напрасно предупреждали, что выступило из Солгата ханское войско. Напиток любви самый пьяный из всех; дуреет от него человек. А на четвертый день улетела Гюляш-Ханым из башни. Обернувшись птицей и улетела к своим, узнала, что приближается к Балаклаве Черкес-бей. Скакал на белом коне Черкес-бей впереди своих всадников и, услышав в стороне женский стон, сдержал коня. В кустах лежала Гюляш-Ханым, плакала и жаловалась, что обидел ее балаклавский князь, надругался над ней и бросил на дороге.
— Никто не возьмет теперь замуж.
— Я возьму, – воскликнул Черкес-бей, — а затвою печаль заплатит головой балаклавский князь.

И думала Гюляш-Ханым по дороге в Солгат — кто лучше, один или другой и хорошо бы взять в мужья обоих, и князя и бей, и еще цыгана Ибрагима, о котором хорошо рассказывает мать. Когда имеешь много, хочется еще больше.

А балаклавский князь искал повсюду Гюляш-Ханым и, когда не нашел у себя, пошел, одевшись цыганкой, искать в ханской земле. Через горы и долины дошел он до Солгата. На много верст тянулся город, но не было никого на улицах. Весь народ пошел на площадь к ханскому дворцу, потому что Туды-Мангу-хан выдавал младшую дочь замуж и угощал всех, кто приходил. Радовался народ. Сто чалгиджи и сто одно думбало услаждали слух, по горам горели костры; ханские слуги выкатывали на площадь бочки с бузой и бекмесом; целое стадо баранов жарилось на вертеле. Славил солгатский народ Туды-Мангу-хана и его зятя Черкес-бей.

Завтра утром повезут Гюляш-Ханым мимо мечети султана Бейбарса; будет большой праздник. Думала об этом Гюляш-Ханым, и что-то взгрустнулось ей. Подошла к решетчатому окошку в глухой переулочек и вспомнила балаклавского князя.

— Хоть бы пришел!

И услышала с улицы, снизу, старушечий голос:

— Хочешь погадаю; вели впустить.

Велела Гюляш-Ханым впустить ворожею и заперлась с ней вдвоем.

— Гадай мне счастье.

Посмотрела Гюляш-Ханым на цыганку. Горели глаза безумным огнем, шептали уста дикие слова. Отшатнулась ханша. Упали женские одежды, и бросился к ней балаклавский князь. Бывает луна белая, бывает желтая. Посмотрели люди на небо, увидели сразу три луны: одну белую и две в крови. Подумали — убили двух, третий остался. Вскрикнула Гюляш-Ханым. Вбежал Черкес-бей. В долгом поцелуе слились уста. Мелькнуло лезвие ятагана, и покатались две головы любивших. Оттолкнул Черкес-бей тело Гюляш-Ханым и женился в ту же ночь на старшей дочери хана. Потому что не должен мужчина жалеть бабу.

Теперь от Солгатского дворца остались одни развалины. Совсем забылось имя Гюляш-Ханым. Но в осеннюю пору, когда у местных татар играют свадьбы, в лунную ночь видят, как на том месте, где был дворец хана, встречаются две тени. И спрашивает одна:

— Зачем ты погубил меня? И отвечает другая:

— Я любил тебя.